

Сербский Владимир Петрович

Психиатрия

**Руководство к изучению
душевных болезней**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
В57

В57 **Владимир Петрович С.**
Психиатрия: Руководство к изучению душевных болезней / Сербский Влади-
мир Петрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 686 с.

ISBN 978-5-519-85397-2

ISBN 978-5-519-85397-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общая психопатологія.

І. Разстройства интеллектуальной дѣятельности.

Психологическія замѣчанія. Иллюзіи и галлюцинаціи; псевдогаллюцинаціи. Разстройства памяти. Разстройства ассоціацій. Навязчивыя мысли. Бредовыя идеи.

І. Психологическія замѣчанія. Для большаго удобства изученія различныхъ явленій душевной жизни обыкновенно раздѣляютъ ее на три сферы: 1) сферу интеллектуальную, 2) сферу чувства и 3) сферу воли. Къ этому надо прибавить еще 4) сферу сознанія, которая, по своей важности, заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Необходимо, однако, помнить, что это раздѣленіе в значительной степени условно и искусственно; в дѣйствительности всѣ душевныя способности неразрывно и тѣсно связаны между собою, представляютъ одно гармоничное цѣлое, и даже при психическихъ разстройствахъ в громадномъ большинствѣ случаевъ мы наблюдаемъ пораженіе всѣхъ областей душевной дѣятельности, выраженное только в большей или меньшей степени. Но для большей ясности пониманія и простоты изложенія это раздѣленіе необходимо, какъ схема в сложныхъ явленіяхъ психической жизни.—Разсмотрѣніе отклоненій в психической дѣятельности я начну с *разстройствъ интеллектуальной дѣятельности*, предпославъ самыя краткія и необходимыя замѣчанія изъ соотвѣтствующаго отдѣла психологіи.

Простѣйшее, самое элементарное явленіе всей нашей умственной дѣятельности составляютъ *ощущенія*, получаемыя нами при посредствѣ органовъ чувствъ. Какимъ образомъ фізіологическое возбужденіе нервныхъ снарядовъ даетъ в результатъ психическое явленіе—ощущеніе—представляется для насъ непостижимой тайною; уже при разсмотрѣніи простѣйшаго психическаго феномена мы наталкиваемся на невозможность перекинуть мостъ между міромъ физическимъ и пси-

хическим. Одно, что мы можем утверждать,—это, что физиологические процессы и психическія явленія идут рядом, болѣе или менѣе параллельно.

Получив ощущеніе—обыкновенно сумму их—от своих органов чувств, человек проецирует их во внѣшній мір, *представляет* себѣ тѣ или другіе предметы, которые послужили источником его ощущеній. Таким путем возникают *представленія*, которыя суть ни что иное, как образы предметов внѣшняго міра, сложившіеся на основаніи суммы полученных ощущеній. Весь внѣшній мір состоит для нас из отдѣльных представленій, которыя мы обозначаем тѣми или другими словами, названіями. Образование представленій является уже очень сложным процессом, так как при этом всегда составляется сужденіе, что представленію соотвѣтствует тот или другой предмет, что этот предмет находится во внѣшнем мірѣ, что он существовал до полученных от него ощущеній и будет существовать послѣ этого: каждое представленіе относится к извѣстному моменту во времени, каждый предмет занимает извѣстное мѣсто в пространствѣ. От представленій необходимо отличать *воспріятія*, образующіяся при непосредственном воздѣйствіи какого либо внѣшняго раздраженія на органы чувств. Представленія также обязаны своим существованіем внѣшнему раздраженію, но являются отвлеченіем от него, процессом чисто идейным; воспріятія всегда связаны с наличностью в данное время этого внѣшняго раздраженія. Мы всѣ имѣем представленіе о морѣ, но воспріятіе его возможно только на мѣстѣ.

Способность образовать ощущенія составляет краеугольный камень всей нашей умственной дѣятельности. Мы можем самым подробным образом анализировать ощущенія (и этот анализ, т.-е. детальное изученіе ощущеній, представляет одну из наиболѣе разработанных и богатых глав психологіи), но не в состояніи расчленивъ их, свести на еще болѣе простыя явленія. Поэтому мы поставлены в необходимость сдѣлать, хотя и вопліи произвольное, но неизбежное допущеніе, что способность ощущенія есть специфическая энергія нервной кѣлки.

Кромѣ образованія ощущеній, для нашей интеллектуальной работы необходимы еще два насущных условія: 1) способность сохранять раз возникшія ощущенія и, при необходимости, воспроизводить их и 2) сочетать и комбинировать их; необходимы—память и ассоціація. Эти процессы и лежат в основѣ созданія нами образа внѣшняго міра, в основѣ всѣх высших интеллектуальных отправленій. Как же связать эти крайне сложные и богатые по своим результатам процессы с строеніем и дѣятельностью мозга? Приводить

доказательства, что без нервной системы умственная дѣятельность невозможна, что без мозга не может быть и интеллекта, в настоящее время, свободное от метафизики и теологіи, конечно излишне; пора, когда эти доказательства считались необходимыми, уже миновала, и теперь на очереди стоит болѣе существенный и во многих отношеніях уже разрѣшенный вопрос о детальном изученіи никѣм уже неоспариваемой и тѣснѣйшей связи мозговых функцій с умственной работою. Для ея выясненія нам необходимо только приведенное уже предположеніе, что способность ощущенія является специфической энергіею нервной клѣтки. Раз мы сдѣлали такое допущеніе, весь послѣдующій сложный механизм умственной дѣятельности находит себѣ надлежащее объясненіе в самой структурѣ мозга, в его анатомическом строеніи. Детальная разработка выясненія связи между строеніем мозга и интеллектуальными процессами принадлежит выдающемуся анатому и психіатру, покойному († 1892 г.) вѣпскому профессору Th. Meynert'у,—геніальному врачу мыслителю, воззрѣнія котораго еще недостаточно оцѣнены как психіатрами, так еще болѣе психологами.

Мы и до сих пор склонны связывать всѣ проявленія психической дѣятельности почти исключительно с мозговою корою и, главным образом, с ея клѣтками, как бы совершенно забывая ея тѣснѣйшее соотношеніе с другими отдѣлами мозга. Одна из крупнѣйших заслуг Meynert'a состоит в выясненіи того крайне важнаго значенія, какое имѣют для всей нашей психической дѣятельности чрезвычайно сложные аппараты, извѣстные под именем подкорковых или субкортикальных центров. Анатомическое изученіе строенія мозга приводит Meynert'a к тому крайне важному заключенію, что в *субкортикальных центрах образуются всѣ наши чувственные воспріятія (Sinneswahrnehmungen), вмѣстѣ с тѣм эти центры служат первичным исходным пунктом для всѣх самых сложных движеній.* Эти выводы анатома блестящим образом подтверждаются экспериментами над животными и наблюденіями над человѣком. Фактов в этой области так много, что здѣсь может быть приведена лишь нѣкоторая часть их. Животное, лишенное мозговой коры (для простоты «кору» Meynert называет весь отдѣл мозга, лежащій, по крайней мѣрѣ в періодѣ эмбриональнаго развитія, кпереди от субкортикальных центров, весь «передній мозг», т.-е. не одно только сѣрое вещество, но и нервные волокна, которые составляют лишь продолженіе клѣток и, слѣдовательно, могут рассматриваться как составная часть кортикальнаго органа, а также хвостатое и чечевичное тѣло, так как условія их дѣятельности идут параллельно с возбужденіем коры), но обладающее еще субкортикальными центрами, не теряет в сущ-

ности—за крайне малыми исключениями—ни одной функциональной способности. Лишенные полушарий, животные обходят поставленные перед ними препятствия; птицы, подброшенные на воздух, держатся таким образом, как будто они в состоянии своим взглядом измерить расстояние и рассчитать направление того места, куда они возвращаются; животные пролѣзают через отверстие в поставленной перед ними преградѣ; они поворачивают глаза в сторону, откуда раздается звук. Лягушка, лишенная передняго мозга и посаженная на ладонь, при поворачиваніи послѣдней книзу, мѣняет шаг за шагом свое положеніе и переходит на тыльную сторону руки. Все это факты, указывающіе, что в улах основанія мозга мы имѣем чувствующие центры, которые, получая чувственные впечатлѣнія через посредство сѣтчатки глаза, кожи или уха, регулируют всевозможныя дѣйствія наиболѣе высшаго порядка. Эти наблюденія принадлежат к числу довольно старых опытов, которые всѣ меркнут перед экспериментами недавно умершаго (1902 г.) страсбургскаго профессора, физиолога Goltz'a. Ему удалось в теченіе полутора года сохранить в живых собаку, которая, будучи лишена всего передняго мозга (а также и нѣкоторой части зрительных бугров, т.-е. уже подкорковых центров), отличалась от обыкновенных собак почти исключительно, довольно, правда рѣзким, пониженіем всѣх умственных отправленій, а также нравственных качеств.

Если в субкортикальных центрах мы имѣем такой сложный и совершенный механизм, дѣятельность котораго носит в себѣ столько психическаго, что, по замѣчанію Goltz'a, не может быть признана рефлекторною, а скорѣе должна быть названа «обладающею способностью к приспособленію» (*Anpassungsvermögen*), то спрашивается, что же остается на долю передняго мозга, т.-е. на долю мозговой коры с ея бѣлыми волокнами?

Без преувеличенія можно отвѣтить: все; по крайней мѣрѣ, все то, чѣм мы гордимся и дорожим, вся наша душевная дѣятельность, благодаря которой мы воспринимаем образ внѣшняго міра и, в свою очередь, воздѣйствуем на него,—в частности, то, что мы называем умом и пониманіем. Главную составную часть мозговой коры образуют нервныя клѣтки, число которых чрезвычайно велико: по приблизительному разчету, оно превышает миллиард. К корковому слою, имѣющему вид полого свода, сходятся со всей поверхности тѣла нервныя волокна, соединяющія нервныя клѣтки, с одной стороны, с органами чувств, с другой, с органами движенія—мышцами. Это так наз. *проекціонная* система;—в этой системѣ нервное волокно берет начало в корѣ, в той или другой нервной клѣткѣ и оканчивается гдѣ-либо на периферіи. С другой стороны, различные отдѣлы

коры полушарій соединены между собою другою системою волокон, так наз. *ассоціаціонною*, которая берет и начало и конец в самом корковом слое, т.-е. связывает как отдаленныя друг от друга, так и ближайшія между собою нервныя клітки. При этом совершенно безразлично, будет ли эта связь стойкою, постоянною, или же она совершается при помощи пока все еще гипотетических «контактов». Принимается, что какое-либо раздраженіе по проводящим путям доносится до кліток коры, которыя и перерабатывают его в ощущеніе, как указано выше. Благодаря же многочисленным связям между нервными клітками достигается соединеніе самых разнообразных ощущеній.

Возьмем простѣйшій примѣръ, приводимый Meunert'ом. Допустим, что перед нами мозговая кора, представляющая собою в функциональном отношеніи *tabulam rasam*, т.-е. такая, на которую никогда еще не дѣйствовали никакія внѣшнія раздраженія. И пусть на такую нетронутую корковую поверхность дѣйствует внѣшний предмет, который одновременно раздражает два органа чувств. Раздраженіе по проекціонной системѣ распространяется центростремительно, результатом чего является возбужденіе двух областей мозговой коры. Пусть этим предметом будет ягненок, который издает звук, бляканье. Образ ягненка возбуждает одну область мозговой коры (зрительную), бляканье — клітки другой области (слуховой). С исчезновеніем ягненка оба эти ощущенія, или, как их называет Meunert, образныя воспоминанія — и зрительное и слуховое — блѣднѣют, но если через нѣкоторое время одно из этих образных воспоминаній, напр. слуховое, снова воспроизводится вслѣдствіе бляканья скрытаго в сараѣ ягненка, то вмѣстѣ с тѣм в мозговой корѣ возникает и зрительный образ ягненка; однообразное воспоминаніе будит другое.

Этот классическій примѣръ выясняет обстоятельство чрезвычайной важности, без котораго немислима умственная жизнь. Необходимо, чтобы ощущеніе, раз возникнувши, не исчезало сейчас же послѣ званія возникновенія, а оставляло болѣе или менѣе надолго послѣ себя слѣд, и чтобы этот слѣд при благоприятных условіях мог быт снова возобновлен. Это свойство и составляет то, что называется *памятью*, которая складается: 1) из способности сохранять воспріятое и 2) из способности воспроизведенія, так наз. репродукціи. Для того, чтобы бляканіе ягненка могло вызывать, вмѣстѣ с тѣм, и образ его, необходимо, чтобы в мозговых клітках остались слѣды и от бляканья, и от формы ягненка; необходимо, чтобы эти слѣды могли воспроизводиться, иначе бляканье ягненка не могло бы вызывать его образа. Но, как само собою понятно, этот репродуцированный, восстановленный образ гораздо блѣднѣе непосредственнаго воспріятія. Память представляет основное свойство нервной клітки; вслѣдствіе подѣйствовавшаго раздраженія в послѣдней остается на долгое время состояніе молекулярнаго измѣненія, сущность котораго нам неизвѣстна, как одинаково неизвѣстна и сущ-

ность подобнаго же иамѣненія, которое пріобрѣтается желѣзом от натиранія магнитом. Тот милліард нервныхъ клѣтокъ, который заключенъ въ корковомъ слоѣ, представляетъ собою достаточное количество «функциональныхъ носильщиковъ», при помощи которыхъ обрабатывающіяся послѣдовательно впечатлѣнія укладываются другъ подлѣ друга на неопредѣленно долгое время. Многіе изъ этихъ носильщиковъ въ теченіе всей жизни остаются свободными; тѣмъ не менѣе ихъ число ставитъ для памяти неиабѣжный предѣлъ, нѣкъмъ, конечно, не достигаемый.

Другое важное обстоятельство, которое уясняется при помощи приведеннаго примѣра, состоитъ въ томъ, что называется *ассоціаціею* идей, представленій, а также, конечно, и ощущеній, т.-е. во взаимной связи, взаимномъ сочетаніи представленій, при чемъ одно представленіе вызываетъ вслѣдъ за собою другое, это третье и т. д. Существованіе многочисленныхъ связующихъ вѣтвей между нервными клѣтками, присутствіе ассоціаціонныхъ волоконъ между отдѣльными областями коры даетъ наглядное представленіе о лежащемъ въ основѣ ассоціаціи механизмѣ. Ни одно ощущеніе не остается въ нашемъ сознаніи изолированнымъ, а непосредственно вступаетъ въ связь съ другими, одновременными или воспринятыми раньше. Сочетаніе ощущеній («слияніе» ихъ, т.-е. соединеніе въ одно воспріятіе ощущеній одного и того же органа, и «компликація», т.-е. соединеніе ощущеній разныхъ органовъ) даетъ, какъ свою сумму, представленіе, а комбинація представленій ведетъ за собою образованіе *сужденій* и *умозаключеній*. Всѣ эти процессы, наиболѣе существенные въ умственной дѣятельности, возможны лишь благодаря существованію ассоціативныхъ связей.

Во взятомъ нами примѣрѣ мозговая кора дѣлаетъ *умозаключеніе* отъ звука къ образу, съ которымъ этотъ звукъ связанъ. Для объясненія этого умозаключенія мы должны принять, что при первоначальномъ возбужденіи обоихъ чувствующихъ центровъ одновременно возникло и возбужденіе дугообразныхъ волоконъ, соединяющихъ эти центры. Вслѣдствіе этого оба образа воспоминаній ассоціируются и, если снова возбуждается одинъ изъ нихъ, то это возбужденіе распространяется по ассоціаціоннымъ волокнамъ на клѣтки другой области, которыя раньше были выведены изъ состоянія покоя одновременно съ первымъ. Эти ассоціаціонныя пучки можно сравнить съ связывающею ниткою, при помощи которой одинъ образъ воспоминанія вытягивается другимъ на порогъ сознанія. Подобное раскрытіе одного признака какаго-либо явленія изъ воспроизведенія другого признака того же явленія есть умозаключеніе,—оно есть знаніе въ смыслѣ причинности, такъ какъ, воспринимая бѣканье, мы считаемъ его слѣдствіемъ присутствія ягненка.

Вполнѣ понятно поэтому, что у животных, лишенных передняго мозга, как, напр., у собаки Goltz'a, соединеніе одного явленія с другим невозможно; самый процесс *узнаванія* становится для них недоступным: с хлопаньем бича у такого животного не соединяется воспоминаніе о физической боли, выниманіе из клѣтки не ассоціируется с приготовленіем к обѣду. Процессы умовключенія становятся невозможными; ум и пониманіе совершенно отсутствуют, чему, помимо потери способности ассоціаціи, способствует и исчезновеніе способности запоминанія.

До сих пор я не упоминалъ об обстоятельстве крайней важности, о *качествахъ* тѣхъ, по терминологіи Меуперт'a, «образов воспоминаній», носителем которых является мозговая кора. По его воззрѣніям, подкрѣпляемым приведенными выше фактами, всѣ наши *чувственные* воспріятія образуются в субкортикальных центрах, которые уже Hagen назвал «чувственным мозгом».

Чувственный отбѣнок, печать реальности, объективности наши воспріятія получают исключительно лишь благодаря возбужденію субкортикальных центров. При возбужденіи же одних кортикальных центров может возникнуть только образ воспоминанія или воспроизведенное представленіе, лишенное характера объективности, т.-е. оно не будет связано с непосредственным ощущеніем того, что оно вызвано дѣйствіем какого-либо виѣшняго предмета на орган чувства. Сама по себѣ мозговая кора глуха, слѣпа, нечувствительна: всѣ извѣстія из виѣшняго міра достигают до нея лишь через посредство чувственного мозга, т.-е. подкорковых узлов, которые продолжают реагировать и послѣ удаленія коры. Послѣдняя лишь *внимает вѣстнику* и *вѣрит* даже фальшивым извѣстіям, как, напр., галлюцинаціям. В *дѣятельности самой мозговой коры, в ея созданіях, нѣтъ и тѣни чувственной (sinnlich) окраски*. Весь ея функціональный матеріал состоит из одних *образов воспоминаній* (Erinnerungsbilder), лишенных малѣйшей примѣси тѣлеснаго, чувственного; это лишь как бы алгебраическіе знаки, отвлеченные символы, и поэтому их было бы правильнѣе называть не образами, а знаками или символами воспоминаній (Erinnerungszeichen). «Образ воспоминанія самаго ослѣпительнаго солнечнаго свѣта не сопровождается и билліонною частью силы того свѣтового ощущенія, которое мы получаем от непосредственнаго воспріятія свѣтящагося жучка, кортикальныя воспоминанія сильнѣйшаго взрыва или громоваго удара неравноначуши и билліонной части интенсивности звуковаго воспріятія, получаемаго при паденіи волоса в воду. Коровые образы воспоминаній лишены всякой чувственной окраски и могут быть обозначены, как чисто-мыслительныя, душевныя явленія, ибо какое

слово может лучше выражать явления, лишенные всякого чувственного отпечатка, чѣм слово «душевный» (*geistig*)?—Образныя воспоминанія и чувственыя впечатлѣнія совершенно несоизмѣримы. При нормальном *дѣйствительном* воспріятіи необходима совместная дѣятельность и подкорковых центров, и мозговой коры. Взятая же в отдѣльности мозговая кора представляет только запоминающій и умоваключающій аппарат, оперирующій уже исключительно с отвлеченными знаками.

Итак, способность образовывать ощущенія, сохранять и воспроизводить их, сочетать и комбинировать их различным образом составляет главныя основы умственной или интеллектуальной дѣятельности, сущность которой и заключается в воспріятіи и переработкѣ ви́шних впечатлѣній. Всѣ эти процессы могут совершаться вполне непроизвольно, автоматически, не доходить до «рубежа сознанія», которому приносятся совершенно готовые, часто неожиданные выводы. Но человек может стать в значительной степени и хозяином их при помощи того душевнаго акта, который называется *вниманіем*, и которому современная психологія, по крайней мѣрѣ многіе выдающіеся ея представители, придаютъ чрезвычайно важное значеніе, рассматривая его как волевую дѣятельность, направленную на внутренніе процессы. Этому вопросу мы коснемся подробнѣе впоследствии, когда будем говорить о волѣ и сознаніи.

II. Галлюцинаціи и иллюзіи. Процесс воспріятія ви́шняго раздраженія составляет первое необходимое звено умственной дѣятельности. Къ важнѣйшимъ разстройствомъ ея относится образованіе «такихъ воспріятій, такихъ чувственныхъ представленій, которыя возникаютъ субъективно, независимо отъ ви́шнихъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе проецируются, переносятся во ви́шній міръ и надѣляются такимъ же характеромъ объективности и дѣйствительности, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ принадлежатъ лишь чувственнымъ образамъ, получающимся при непосредственномъ воспріятіи реальныхъ впечатлѣній» (Кандинскій.) Это такъ-называемыя *галлюцинаціи*, обманы чувствъ или мнимовоспріятія (этотъ терминъ гораздо правильнѣе употребительнаго въ русской терминологіи названія «мнимощущенія»). При этомъ человекъ видитъ и слышитъ то, чего не существуетъ въ дѣйствительности, чувствуетъ несуществующіе запахъ или вкусъ, осязаетъ несуществующіе предметы.

Обыкновенно отъ истинныхъ галлюцинацій, которыя возникаютъ совершенно независимо отъ какого бы то ни было ви́шняго источника раздраженія, отличаютъ такъ-называемыя *иллюзіи*, т.-е. такіе обманы воспріятія, источникомъ которыхъ служитъ какое-либо дѣйствительное раздраженіе, но доходящее до сознанія въ превратномъ,

искаженном видѣ. Иллюзіи представляют довольно обыденное явление и далеко нерѣдки у совершенно здоровых лиц. В нѣкоторых случаях онѣ возникают роковым, неизбежным образом у всѣх людей вслѣдствіе тѣх или других измѣненій во внѣшней средѣ, через которую должно проходить раздраженіе, и обусловливаются законами преломленія, иррадіаціи и т. д., т.-е. составляют предмет чисто физических явленій (физическія иллюзіи); сюда относятся, напримѣр, явленія фато-морганы в пустынѣ, кажущееся движеніе предметов, когда мы ѣдем по желѣзной дорогѣ, и т. п. В других случаях ложныя воспріятія образуются вслѣдствіе какого-либо раздраженія в органах чувств и чувствующих нервах (физиологическія иллюзіи); субъективныя ощущенія, правильно оцѣниваемые здоровым человеком, больным могут истолковываться совершенно ложно; искры в глазах он может принять за пламя, шум в ушах за бранныя слова. Но в громадном большинствѣ случаев иллюзіи нельзя объяснить ни измѣненіями во внѣшней средѣ, ни раздраженіем периферическаго чувствующаго аппарата; онѣ являются психически обусловленными (психическія иллюзіи), при чем нерѣдко наблюдаются и у здоровых лиц, находящихся в каком-либо душевном волненіи. Человек, нетерпѣливо ожидающій свиданія, во всяком шорохѣ слышит приближеніе возлюбленной («Чу, скрипнула дверца садовой, чу! брякнула ручка замка»... Шиллер); трусливый человек, проходя ночью мимо кладбища, принимает кресты за привидѣнія; находящійся в аффектѣ гнѣва самыя простыя слова или движенія принимает за угрозы и оскорбленія, а экальтивированный человек сражается с вѣтряными мельницами, принимая их за великанов. Помимо душевнаго волненія, иллюзіи очень часто образуются при неясности впечатлѣнія, зависящей или от нашей разсѣянности, недостатка вниманія, или же от мимолетности самаго впечатлѣнія. Сюда относятся явленія, которыя, вѣроятно, испытывал каждый из нас; мы, наприм., встречаем знакомаго, готовы заговорить с ним и, только внимательно взглянувъ, замѣчаем свою ошибку; при достаточном вниманіи и при отсутствіи душевных волненій эти ошибки легко исправляются, но психически больные не в состояніи этого сдѣлать и свои иллюзіи считают за несомнѣнную дѣйствительность. Очень близкое отношеніе к иллюзіям представляют так-называемыя *ошибки сужденія*, когда вслѣдствіе недостаточной умственной дѣятельности и ослабленія критики, какому-нибудь предмету приписывается совѣм другое, несвойственное ему значеніе. Так, многіе слабоумные собирают всякій сор, камни, считают их за золото и драгоценности. Сюда же относится нерѣдкое *смѣшиваніе личностей*, не мимолетное, как это бывает и у здоровых людей при разсѣянности, а очень стойкое, не поддающееся никаким

разувѣреніямъ и при томъ нерѣдко не оправдаемое никакимъ, даже самымъ поверхностнымъ сходствомъ.

Отдѣленіе иллюзій отъ настоящихъ галлюцинацій, вполне допустимое и оправдываемое съ теоретической точки зрѣнія, на практикѣ, однако, представляетъ значительныя затрудненія, и нерѣдко бываетъ невозможно рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ иллюзіями или галлюцинаціями. По отношенію къ такимъ чувствамъ, какъ обоняніе, вкусъ, осязаніе, никогда нельзя съ увѣренностью исключить какого-либо дѣйствительнаго раздраженія, и здѣсь иллюзіи и галлюцинаціи совершенно неразличимы. Но даже и по отношенію къ органу слуха и зрѣнія рѣшить это бываетъ чрезвычайно трудно. Мы говоримъ объ иллюзіи, если больной слышитъ какія-нибудь слова въ колокольномъ звонѣ, въ скрипѣ дверей, пѣніи птицъ, и о галлюцинаціи, если эти слова преслѣдуютъ его въ полной тишинѣ. Но, вѣдь, трудно допустить существованіе абсолютной тишины; крайне рѣдко можно бываетъ исключить и отсутствіе всякаго свѣтового раздраженія. Поэтому иллюзіи и галлюцинаціи каждаго органа чувствъ удобнѣе изучать совместно, тѣмъ болѣе, что какъ тѣ, такъ и другія, отличаются своею объективною отчетливостію, представляются въ сознаніи больныхъ явленіями такого же реальнаго характера, какъ и дѣйствительные предметы. Больнымъ не только кажется, что они видятъ, слышатъ и осязаютъ, но они на самомъ дѣлѣ видятъ, слышатъ и осязаютъ, и въ этомъ кроется громадное значеніе галлюцинацій для всей психической жизни.

III. Виды галлюцинацій. В области зрѣнія галлюцинаціи бываютъ то въ формѣ простыхъ, элементарныхъ явленій—больной видитъ искры, огонь, пятна, то въ формѣ неясно-очерченныхъ предметовъ, окутанныхъ какъ бы въ туманѣ, въ видѣ тѣней, силуэтовъ, то выступаютъ со всею яркостью и пластичностью какіе-либо отдѣльные предметы, фигуры людей, различные звѣри, страшныя рожи, Богородица, святые. Иногда рисуются цѣлыя сложныя картины въ видѣ толпы людей, готовящейся къ казни больного, или отверстаго рая, картины потопа, пожара, фантастическіе замки и ландшафты. Иногда эти видѣнія мимолетны, быстро исчезаютъ или замѣняются другими, иногда очень упорны и являються въ такой массѣ, что вполне порабащаютъ вниманіе больного. Необыкновенно яркія, живыя зрительныя галлюцинаціи наблюдаются у эпилептиковъ, при томъ онѣ вспыхиваютъ внезапно и носятъ, по большей части, очень устрашающій характеръ—пожара, нападенія звѣрей,—почему и вызываютъ очень бурную реакцію съ ихъ стороны; благодаря этому эпилептики являются наиболѣе опасными больными и нерѣдко совершаютъ самыя звѣрскія преступленія. Очень характерны зрительныя галлюцинаціи у страдающихъ бѣлою горячкой (*delirium tremens*)—они видятъ обыкновенно